

УДК 291.5

Авилова Оксана Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет
avilova-oksana@rambler.ru

Маркин Владимир Васильевич

кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет
fil-fik@altspu.ru

Авилов Сергей Александрович

магистрант,
Алтайский государственный педагогический университет
avilov-1975@mail.ru

Oksana E. Avilova

candidate of law, docent, Altai State University
avilova-oksana@rambler.ru

Vladimir V. Markin

candidate of philosophy, docent, Altai State pedagogical University
fil-fik@altspu.ru

Sergey A. Avilov

Undergraduate, Altai State pedagogical University
avilov-1975@mail.ru

**Религиозные нормы как элемент системы социального
нормативного регулирования: особенности возникновения и развития**

**Religious norms as an element of the system of social normative regulation:
features of the emergence and development**

***Аннотация.** Статья посвящена описанию регулятивного своеобразия религиозных норм в аспекте их возникновения и развития. Указывается на значительный регулятивный потенциал религиозных норм, проистекающий из представления об их сверхъестественном происхождении. В статье описываются основные закономерности развития религиозных нормативных систем, связанные с необходимостью актуализации, систематизации и новой интерпретации религиозных норм и обусловленные существованием в религиозной нормативной системе исходных норм и норм, возникших в процессе последующего развития религиозного учения.*

***Ключевые слова:** религия, религиозные нормы, социальное регулирование, религиозная этика, религиозное нормотворчество.*

***Annotation.** The article is devoted to the description of the regulatory uniqueness of religious norms in the aspect of their emergence and development. The author points out the significant regulatory potential of religious norms arising from the idea of their supernatural origin. The article describes the main patterns of*

development of religious normative systems associated with the need to actualize, systematize and re-interpret religious norms and are conditioned by the existence in the religious normative system of the original norms and norms that arose in the process of the subsequent development of religious teaching.

Keywords: *religion, religious norms, social regulation, religious ethics, religious rulemaking.*

Религия есть такое социальное явление, которое в своем существовании сопровождается возникновением и функционированием специфичных правил (образцов, моделей, стандартов) поведения. Представления о богоугодном и греховном, добре и зле, истине и заблуждении в рамках той или иной религии рождают правила поведения, соблюдение которых способствует достижению религиозно значимых целей (рай, нирвана, лучшее из возможных перерождений и т.п.), и несоблюдение которых, наоборот, отдаляет от достижения этих целей. По мере развития религии происходит фиксация религиозных правил поведения в письменных источниках, хотя в большем или меньшем объеме в нормативном массиве любой религии присутствует и нормы, не получившие письменной формы. При этом религиозные нормы охватывают своим регулятивным воздействием значительный массив общественных отношений. В целом, религиозные нормы могут быть подразделены на три основных группы:

- нормы этического характера, регулирующие взаимоотношения верующих друг с другом и иноверцами (последний момент следует оговорить особо, поскольку во многих религиях существует проблема внутренней и внешней морали);

- организационного, дисциплинарного или канонического характера, регулирующие внутреннее устройство религиозной организации, порядок управления ею, дисциплину рядовых членов и служителей культа;

- нормы культового характера, регламентирующие проведение тех или иных ритуалов, обращение со священными объектами.

В конечном итоге, можно говорить о том, что религиозные нормы имеют отношение ко всем областям жизни верующего человека. Важно подчеркнуть, что предмет их воздействия на общественные отношения в значительной степени совпадает с предметом морального и предметом правового воздействия.

Вместе с тем, регулятивный потенциал религиозных норм нам представляется более значительным, чем регулятивный потенциал других нормативных регуляторов, особенно в условиях традиционного общества. Во многом, это обстоятельство обусловлено тем, как видят происхождение религиозных норм (и происхождение источников, в которых они зафиксированы) последователи той или иной религии. Эта особенность религиозных норм Д.В. Пивоваров выражает следующей формулировкой: «Все религии провозглашают, что их традиционные нормы исходят от божественного авторитета и переданы людям через пророков»[2, с.174]. С учетом тех особенностей, которые отличают религии друг от друга, данная

формулировка может показаться несколько некорректной. Вместе с тем, в ней есть указание на два чрезвычайно значимых обстоятельства:

1)любая религия имеет своё видение собственной истории, в том числе, той её части, которая касается происхождения самих религиозных представлений и вытекающих из них правил поведения;

2)любая религия утверждает особый, неотмирный характер происхождения собственных предписаний – во всяком случае, некоего изначального их корпуса (традиционные, по выражению Д.В. Пивоварова, или исходные нормы).

Можно утверждать, что ответ на вопрос о происхождении религиозных норм для религиозного сознания, так или иначе, связан с понятием «сверхъестественное». Эта сверхъестественность может проявляться не только в виде откровения, дарованного людям божеством, но и в виде откровения, добытого человеком самостоятельно (как, например, в буддизме). При этом идея сверхъестественного участия в процессе возникновения религиозных установлений применительно к развитым комплексам религиозных представлений имеет серьезное богословское обоснование. Например, христианством используется в этой связи категория божественного откровения.

Но, как бы ни объясняли для себя аспект сверхъестественности в возникновении религиозных истин, текстов и связанных с ними религиозных норм последователи той или иной религии, понятно, что за пределами данной религии это объяснение уже «не работает». Очевидно, что совсем иначе смотрят на это объяснение последователи других религий (скептически оценивая сверхъестественный авторитет чужих религиозных норм в отличие от своих собственных); и совсем иначе оценивают эту «сверхъестественность» люди, безразличные или враждебные к религиозной вере, предлагая своё, научное или обыденное, объяснение процесса появления тех или иных религиозных установлений.

Одним из первых развернутое и убедительное научное объяснение процесса возникновения религиозных норм предложил М. Вебер. Для него возникновение религиозных предписаний есть реакция не только на религиозных запрос общества (стремление к религиозно-правильному образу жизни), но и реакция на потребность общества в урегулировании, упорядочивании общественных отношений. Этим М. Вебер объясняет такое явление, как рост «этических притязаний к богам»[1, с.104]. Потребность в порядке может находить разные отражения в религиозном сознании. В одном случае, это может быть представление о существовании универсальной безличной силы, которая внутренне связывает и оценивает значение поступков всех (в том числе, богов); в другом случае – порядок есть результат Бога как могущественного властителя, превратившего его в содержание своей божественной воли и защищающего его от нарушений.

Рассматривая проблему возникновения религиозных норм более детально, М. Вебер исходил из того, что нормативное начало религии вырастает из нормативного начала магии. При этом в своих работах М. Вебер использует выражения «религиозная этика» и «магическая этика», но они не

должны вводить нас в заблуждение, поскольку круг правил, к которым он применяет данное название, выходит далеко за рамки собственно религиозных норм этического характера. Так, понятием «религиозная этика» у него охватываются самые разные правила, имеющие отношение к религиозной жизни.

Нормативное начало в магии представлено через феномен табу и образует магическую этику. Магическая этика основывается на вере в духов. Табу от нарушений охраняет боязнь привести в действие «злые чары». Религиозная же этика формируется тогда, когда вера в духов рационализируется и становится верой в богов. В религии, таким образом, появляется представление о том, что «нарушителя угодных Богу норм ждет этическое недовольство бога, особо их охраняющего»[1, с.110]. При этом религиозная этика, по М. Веберу, проходит две основные стадии в своём развитии. В начале ей свойственно своеобразие магической этики (она также являет собой комплекс разнородных заповедей и запретов, где «важное» и «неважное» вообще не отделено друг от друга и нарушение которых составляет грех). Эта нормативная система расценивает определенные действия (нарушение пищевых запретов, запретов работать в «табуированные» дни, запретов заключения браков) как тяжкие проступки против религии, требуя возмездия, а в некоторых случаях - смерти того, кто их совершил. И только затем, на следующем этапе, в религиозной этике появляется понимание греха как проявления некой противоположной Богу силы.

Двигателями «систематизации и рационализации» религиозной этики становится у М. Вебера пророчество и священство, хотя он не забывает и о влиянии тех, на чьё поведение пророки и священнослужители пытаются воздействовать, то есть, о влиянии мирян. Пророческая этика предшествует священнической этике. Два типа пророков выделяет М. Вебер: этический пророк (выступает от имени Бога, возвещает Его волю и требует послушания в качестве этического долга) и пророк личного примера (выступает от своего собственного имени и предлагает тем, кто ищет спасения, следовать его путем). Какой бы характер не имело пророчество, пророческое откровение означает для пророка и его последователей единое видение жизни, что, в свою очередь, предполагает «систематизацию всех жизненных проявлений», «сведение всего практического поведения к определенному образу жизни»[1, с.122]. Другими словами, это предполагает оценку отдельных поведенческих актов как одобряемых или порицаемых, ведущих к спасению (как бы оно не понималось) или уводящих от него.

Но пророческая этика в любой религии, в какой-то момент, уступает место священнической этике. По М. Веберу, перед священнослужителями стоят задачи проповеди и заботы о спасении души (а также - задачи утверждения собственного господства), которые заставляют их систематизировать учение, вести «казуистическую разработку и систематизацию этических заповедей и положений вероисповедания и вообще заниматься бесчисленными конкретными проблемами, не решенными в откровении»[1, с.135]. Но чем больше священство стремится регламентировать жизнь мирян, тем больше оно

должно идти навстречу традиционным, то есть, магическим формам религиозных представлений или религиозной практики мирян. В большинстве случаев это означает всё большую магизацию религиозной этики и практики.

Не вдаваясь в оценку общих закономерностей развития религии, описанных М. Вебером, согласимся с ним в той части, в которой он фиксирует закономерности возникновения и развития религиозных норм. В этой связи, следует отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, возникновение и развитие религиозных правил поведения является результатом сложных (и где-то даже разнонаправленных) процессов, а субъектами религиозного нормотворчества выступают пророки, священнослужители и миряне. В определенные исторические периоды, государство также может подключаться к этому процессу с той или иной степенью активности и заинтересованности. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что формирование массива религиозных норм происходит под значительным влиянием именно священства. Очень зримо это обстоятельство просматривается в ситуации конфессионального разнообразия в рамках одной религии. Разная трактовка исходных вероучительных положений (положений пророческого происхождения) приводит к появлению разных нормативных систем. Например, в случае с христианством можно говорить о католической нормативной системе, о нормативной системе православных церквей, о нормативных системах протестантских общин.

Во-вторых, религиозная трактовка социально-приемлемого поведения зависит не только от религиозного мировоззрения, но и от тех пространственно-временных условий, в которых оно разворачивается. Во многом именно эти условия определяют большие или меньшие границы воздействия религии на общественные отношения. Более того, общественные отношения, находящиеся в сфере воздействия религии, с течением времени изменяются. Под влиянием динамичных процессов в общественной жизни возникает потребность в новом прочтении, в новом толковании религиозных правил поведения. Например, религиозная норма, рассчитанная на регулирование общественных отношений в эпоху традиционного общества, может не отвечать представлениям и запросам людей постиндустриальной эпохи. Всё это, в совокупности, заставляет конфессиональное богословие работать с системой собственных религиозных норм: предлагать новую интерпретацию имеющихся религиозных норм, создавать новые правила поведения.

В конечном итоге, можно констатировать, что по мере развития той или иной религии происходит увеличение массива исходящих от неё религиозных предписаний. Увеличение количества религиозных норм, в свою очередь, приводит к необходимости их систематизации: они должны представлять собой иерархическую систему, по возможности, ясно дающую ответ на вопрос: Как поступить в ситуации коллизии (столкновения) религиозных правил поведения друг с другом (и с другими социальными нормами)? Эта задача также должна быть решена конфессиональным богословием.

Таким образом, значимая регулятивная особенность религиозных норм для последователей той или иной религии определяются представлением о причастности к их возникновению некоего сверхъестественного авторитета. Данное утверждение справедливо, в первую очередь, для тех религиозных норм, возникновение которых последователи религии связывают с именем её основоположника (так называемые исходные или изначальные нормы). Но это утверждение сохраняет свою справедливость и для других норм, поскольку конфессиональная теология прилагает специальные усилия для того, чтобы обосновать их основанность на исходных нормах. По мере исторического развития массив религиозных норм, вытекающих из того или иного религиозного мировоззрения, возрастает, и это означает, что любая конфессиональная теология сталкивается с необходимостью актуализации, систематизации и новой интерпретации религиозных норм.

Литература:

1. Вебер М. *Избранное. Образ общества.* – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
2. Пивоваров Д.В. *Культура и религия: сакрализация базовых идеалов: монография.* – М.: Юрайт, 2020. – 248 с.

Bibliography

1. Weber M. *Favorites. The image of society.* – М.: Jurist, 1994. -- 704 p.
2. Pivovarov D.V. *Culture and religion: sacralization of basic ideals: monograph.* – М.: Yurayt, 2020. -- 248 p.